

стоянки Гвардейское 1 не позволяет пока делать более определенные выводы.

В раскопе 2 той же стоянки обнаружена керамика несколько другого облика, но происходящая, по-видимому, не более чем от 1–2 сосудов. Ее можно отнести к так называемой «пористой» керамике периода позднего энеолита, распространенной в Карелии, в том числе и южной, одновременно с асбестовой. Всего в раскопе обнаружено 10 небольших фрагментов венчиков и 99 стенок. Все фрагменты чрезвычайно малы, поэтому реконструировать форму сосуда (сосудов — ?) затруднительно. Тесто сосудов серовато-желтого цвета, содержит значительную примесь органики. Стенки толщиной 0,8–0,9 см.

В целом керамический комплекс со стоянки Гвардейское 1 своеобразен, происходит с однослойного памятника, существовавшего непродолжительное время, культурный слой которого содержит также своеобразный каменный инвентарь, что позволяет однозначно соотнести его с типом керамики.

В заключение следует отметить, что стоянка Гвардейское I является первым на Карельском перешейке однослойным памятником эпохи энеолита (предварительная датировка — первая половина II тыс. до н.э.), исследованным стационарными раскопками. Специфический комплекс находок был получен не из перемешанных культурных напластований. Данная стоянка может стать опорной для изучения материальной культуры населения Карельского перешейка этой эпохи.

Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Тимофеев В.И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб., 2003.

Digdrud A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1, fasc. 2, s. 165–190; Vol. 1, fasc. 3. S. 205–220.

Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C. F. Meinander // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 2001.

Takala H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti City Museum: Lahti, 2004.

Е.Г. Федорова

О СОСТОЯНИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОБСКИХ УГРОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Социально-экономические и культурные преобразования, проводившиеся на протяжении XX в., оказали значительное вли-

яние на состояние традиционной культуры обских угров (хантов и манси). Особенно заметные изменения произошли в последние десятилетия. В первую очередь они проявились в сфере традиционной материальной культуры: она оказалась почти полностью утраченной. Ситуацию же с традиционными религиозными верованиями и обрядностью однозначно охарактеризовать сложно по нескольким причинам. Наиболее важными в данном случае представляются две из них. Во-первых, значительный пласт этих составляющих культуры, в силу особой их сакральности, и в прошлом не был доступен основной массе представителей коренного населения, поэтому вряд ли существует возможность восстановления в полной мере религиозной ситуации даже для того периода, когда традиционная культура в целом сохранялась достаточно хорошо. Во-вторых, на протяжении XX в. из-за борьбы с религией, преследований служителей культа и активной пропаганды атеизма сформировалось искажающее реальную картину отношение к религиозным представлениям и обрядам как со стороны носителей культуры, так и со стороны исследователей. Первые вынуждены были скрывать свои предпочтения и действия, вторые должны были трактовать наблюдаемые ими явления как пережиточные. Такая ситуация наблюдалась по отношению не только к обским уграм, но и к другим народам Сибири и Севера. Поэтому сейчас, несмотря на немалое количество публикаций второй половины XX в. по религиозным представлениям этих народов, сложно сказать, насколько в действительности на протяжении советского периода сохранялись традиции в этой сфере.

Несколько по-иному выглядит ситуация с погребальной обрядностью. О том, что здесь и в советский период сохранялись традиции, свидетельствует прежде всего наличие традиционных надмогильных сооружений в виде домиков на хантыйских и мансийских кладбищах второй половины XX в. Это то, что бросается в глаза даже при кратковременных посещениях селений обских угров. В беседах с информантами выясняется, что сохранялись и многие другие детали погребального обряда и связанные с ним представления. Анализируемый здесь материал собирался автором во время экспедиций к северным манси Березовского, Советского, Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (1976–1978, 1981, 1987–1988, 1990, 1991, 1997–2001, 2003–2004 гг.), к северным хантам Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа, Шурышкарского и Приуральского районов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (1977, 2006 гг.), к восточным хантам Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа (1993 г.). На его базе можно сделать ряд как частных,

так и общих выводов, касающихся состояния погребальной обрядности этих этнографических групп обских угров. Необходимо подчеркнуть, что о наличии единого погребального обряда можно говорить только по отношению к обитателям одного населенного пункта. Даже внутри одной территориальной группы — сравнительно малочисленного подразделения этноса — целый ряд элементов погребального обряда варьируется.

Сейчас, как и в прошлом, информация о действиях, связанных с умершим, передается по женской линии: семейная обрядность у обских угров — сфера женской культуры. Причем в данном случае роли не играет, к средней или старшей возрастной группе принадлежит женщина. Наиболее активными здесь представляются женщины среднего возраста. Они имеют информацию о том, что и как надо делать, полученную в результате общения со своими старшими родственницами, а также путем непосредственных наблюдений начиная с детского возраста, поскольку девочки, как правило, присутствуют при семейных обрядах. Кроме того, женщины среднего возраста, что естественно, более мобильны по сравнению с пожилыми, и это дает им возможность осуществлять необходимые действия в нужное время, в соответствии с традиционными установками. В тех же случаях, когда нет «знающих женщин» среднего возраста, за помощью обращаются к пожилым.

По имеющейся информации, разногласия между родственниками во время похорон все же бывают. Они выражаются в формулировках «делает не так, неправильно», «не знает, как делать» и т.п. Но не всегда такие представления о женщине, которая руководит обрядом, соответствуют действительности. В зафиксированных случаях они объяснялись либо конфликтной ситуацией между самими близкими родственницами умершего (например, вдова и дочь от предыдущего брака), либо тем, что кто-либо из близких большую часть жизни провел среди представителей другой территориальной группы народа и лучше знаком с ее обычаями. Они же могут отличаться от тех, что характерны для территориальной группы, к которой принадлежал умерший. Нужно добавить, что именно участие родственников — представителей других территориальных групп приводит к определенной нивелировке погребальной обрядности. Некоторые ее элементы начинают внедряться в культуру «чужой» группы.

Вместе с тем определенные традиционные черты сохраняются достаточно стойко. Это касается действий до погребения, самого погребения и действий после него. В сельской местности, особенно в небольших населенных пунктах, в максимальной степени стараются придерживаться традиций. Умершего обмывают, кла-

дут в определенное место в жилище, сидят около него так, как положено, и столько, сколько положено. Обязательно зажигают огонь. Стараются одеть покойника так, как требует традиция, положить в гроб необходимые вещи.

В последние десятилетия гроб практически вытеснил традиционную лодку, в которой хоронили еще в 1970-е гг. Это объясняют тем, что мастеров, которые могут сделать хорошую лодку, становится все меньше, поэтому лодки часто «берегут» для живых.

Относительно места расположения кладбища можно сказать, что в данном случае практически во всех обследованных населенных пунктах наблюдается сохранение традиций, хотя они различны для разных групп обских угров (единства не наблюдалось и в прошлом). Например, у северных манси кладбище должно располагаться ниже по течению реки относительно селения, у северных хантов на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа — выше или же на острове. Все известные случаи отклонения от нормы имеют свои объяснения также, насколько можно судить, в рамках традиции.

Для крупных населенных пунктов, как и для селений, возникших во второй половине XX в., где проживают представители разных народов, характерно либо наличие двух кладбищ (общепоселковое, где могут быть захоронены и представители коренных народов, но как правило, по «русскому» образцу, и национальное, где хоронят полностью в соответствии с традициями), либо деление общего кладбища на две части. Традиционные надмогильные сооружения обских угров на таких кладбищах нередко дополнены крестами или обелисками (последнее было характерно для второй половины XX в., когда кресты над могилами ставили нечасто).

Важно отметить, что в некоторых селениях продолжают существовать и специальные детские кладбища. Они считаются характерными для обских угров, но насколько широко они были распространены в прошлом, сказать трудно, так как в источниках нет информации по всем территориальным группам хантов и манси. На существующие кладбища мертворожденных или беззубых младенцев сейчас, как и раньше, доступ имеет очень ограниченный круг лиц, поэтому информация о таких кладбищах практически отсутствует. Известно лишь, что захоронения производятся в пнях. Отдельные кладбища для детей более старшего возраста фиксируются не везде. По имеющимся данным, они располагаются между селением и кладбищем, где хоронят взрослых, либо несколько в стороне от последнего.

Можно сказать, что в настоящее время нивелируется такая важная черта погребения, как глубина могильной ямы. Все меньше становится наземных захоронений, которые, впрочем, и раньше не

были характерны для всех групп и периодов. Основная причина их исчезновения сейчас — давление со стороны местных властей или медицинских работников. Захоронения в земле выполняются в соответствии со сложившейся в среде хантов и манси традицией.

Надмогильные сооружения в виде домиков, выполненные также в соответствии с традицией, можно увидеть на кладбищах практически всех типов населенных пунктов — от крупных, где коренное население в численном отношении составляет меньшинство, до мелких, где живут только представители коренных народов. В первых, как правило, их сравнительно немного и они заметно трансформированы. Встречаются даже домики с окрашенной крышей. Складывается впечатление, что за надмогильными сооружениями начинают вести уход, как это принято у пришлого населения. Можно говорить о начальной стадии процесса трансформации традиции и по отношению к этому элементу погребального обряда, так как в прошлом ханты и манси не ухаживали за могилами.

Меняется и набор вещей, оставляемых на могиле или рядом с ней. Особенно бросаются в глаза венки на крышах надмогильных домиков и велосипеды около них. Последнее, можно сказать, в определенном смысле соответствует традиции, т.к. для хантов и манси характерно оставление рядом с могилой транспортных средств. У северных групп это, главным образом, оленьи нарты, которые и сейчас в большом количестве можно увидеть на многих кладбищах. Но набор вещей, которые кладут в могилу, насколько можно судить по имеющейся информации, не меняется.

Традиции стараются соблюдать и при посещении кладбища во время похорон или поминок. Но в силу того, что нередко некоторые близкие родственники умершего живут в других населенных пунктах, в том числе и в крупных городах, откуда не всегда можно приехать на похороны или поминки, которые проводятся в определенное время, кладбище вынуждены посещать в другие сроки, что является нарушением традиции. Действия же, производимые на кладбище во время похорон или поминок, не меняются. Кладбище посещают в положенное время суток и находятся там положенное время. У северных хантов около могилы нужно сидеть всю ночь. В п. Катравож одна семья в 2006 г. провела всю ночь около могилы только что похороненного родственника, несмотря на почти пятидесятиградусный мороз. В том же году в другом селении женщина, приехавшая в гости всего на несколько часов, не смогла посетить могилу матери (хотя кладбище находилось чуть ли не за домом) именно из-за того, что у нее не было возможности просидеть там всю ночь.

Насколько можно судить, родственники умершего, живущие в городах, не могут полностью соблюдать траур, так как некоторые

его детали (например, ношение особых повязок или платка наизнанку) для городских условий неприемлемы. В сельской же местности траур соблюдается в соответствии с традиционными нормами.

В заключение нужно отметить, что разработка темы «Погребальный обряд» весьма перспективна в современных условиях, во всяком случае, на материале обских угров. Во-первых, хорошо сохраняются его традиционные черты, углубленное изучение которых способствует решению нескольких вопросов: выявлению локальных особенностей культуры, путей формирования погребальной обрядности конкретных групп, определению общего и особенного в этой сфере у разных территориальных и этнографических групп хантов и манси. Во-вторых, имеется возможность проследить те изменения в обрядности, что произошли на протяжении второй половины XX в., обозначить обусловившие их причины. В-третьих, из-за того, что в последние годы, после прекращения преследований за религиозные убеждения и действия, информанты стали более открытыми, можно выявить многие мировоззренческие аспекты, связанные с погребальным обрядом.

В.А. Кисель

МОНГУН-ТАЙГИНСКИЙ ВАРИАНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТУВИНЦЕВ

Исследование проведено при финансовой поддержке
Научной программы СПб НЦ-2006 г.

Данная работа продолжает публикацию материалов по современной похоронно-поминальной обрядности тувинцев [Кисель, Торгоев 2005: 146–153].

Коренные изменения в культуре Тувы, произошедшие во второй четверти XX в. (оседание тувинцев на землю, ломка традиционного уклада, массовый приток представителей русскоязычного населения, распространение атеистического мировоззрения), отразились на погребальном обряде. В результате давления советских органов власти возобладала ингумация. Впрочем, наземный способ похорон (наиболее популярный до установления Советской власти) эпизодически просуществовал до 1950-х гг.

Общегражданский погребальный ритуал приобрел в отдаленных районах республики своеобразные черты, распадаясь на локальные варианты.

Монгун-Тайгинский кожуун, расположенный на юго-западе Тувы, занимает труднодоступную горную территорию, крайне бед-